

ДОКТОР СЕРДЕЧНЫХ НАУК

Николай
Амосов
отдавал
больным
последнюю
рубашку

На здании Череповецкого медицинского училища недавно открыли мемориальную доску, посвященную прославившемуся на весь мир кардиохирургу и ученому Николаю Амосову.

Череповец впервые увековечил своего великого земляка в мраморе. Но уже давно здесь действуют три мини-музея (скорее «красные уголки»), посвященные Амосову: в школе №1, где он учился, в лесомеханическом техникуме, где получил первую профессию, и в городской больнице, где работал.

Здесь он увлекся медициной, здесь влюблялся и чуть не женился, здесь, как теперь говорят, «косил от армии» и здесь же едва не убил человека. И главное — здесь, по его признанию, «произошло формирование Амосова».

Маленькие радости и большие горести

«Хороший уездный город, как при царе. Лесопильный завод, электростанция с двумя дизелями, пристань, судоремонт. Дом профсоюзов, две средние школы, четыре техникума, театр, три кинотеатра, городской сад со стеной. Церквей всего четыре. Дома одно-двухэтажные, купеческие, больше — деревянные. Планировка правильная (с екатерининских времен). Половина улиц — булыжник, другие — немощеные. Тротуары все — дощатые, кроме главной улицы (Советский проспект), та — выложена плитами».

Таким увидел город 12-летний Коля, когда в середине 20-х годов прошлого века приехал в Череповец учиться. Сначала — в школе, а потом в техникуме. В общей сложности Николай Амосов прожил в Череповце около семи лет. Все они пропитаны щемящей тоской и одиночеством — друзей Николай Михайлович здесь не нашёл, но и врагов, в общем, тоже: сильным был подростком, умел давать отпор.

Пароходик под названием «Касир», курсировавший по Шексне между Череповцом и пригородной деревней, где родился Амосов, имел для юного пассажира как бы две окраски: светлую, когда несли в родное Ольхово, и черную, когда плелся обратно в город. Сейчас Ольхово лежит под водой Рыбинского водохра-

нилища рядом с родовым именем Верещагиных.

Жил в доме подруги матери, стоявшем на Красноармейской площади. Время убивал строгим соблюдением распорядка («Вставал в семь, ложился в десять — первые четыре года я ни разу не нарушил режима») и запойным чтением классики. Два раза в месяц, сэкономив 20 копеек на еде, ходил в кино — одного «Тарзана» посмотрел столько раз, что хватило бы на палку колбасы. Любимым лакомством была копеечная ириска: ее хватало на неспешную дорогу через весь Советский проспект от Красноармейки до школы.

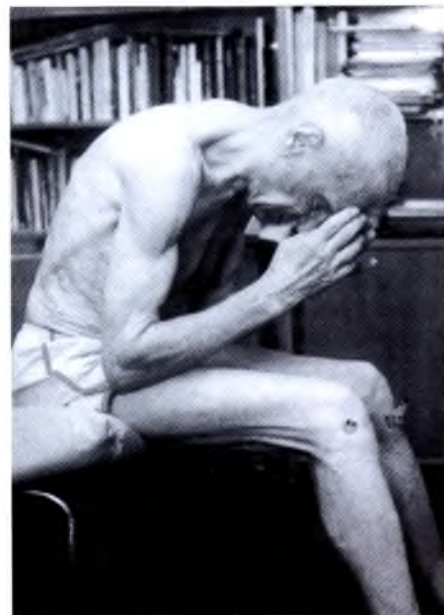
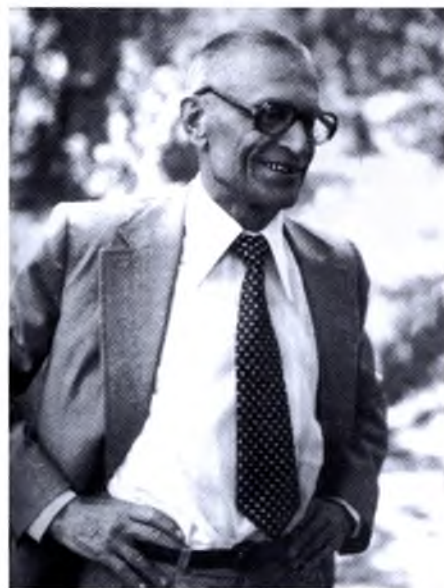
Перечитав всю (далеко не профессорскую) библиотеку хозяйки, Коля пошел на кражу: «Воровал книги, добрый десяток украл. Все помню: пять томов сочинений Маяковского, англо-русский словарь, курс фармакологии...» Мать Амосова всю жизнь отработала акушеркой, интерес к медицине передался генетически. Микроскоп и ящик со скальпелем и пинцетом для препарирования лягушек будущий академик запросто свистнул из школьного кабинета.

В те же благословенные школьные годы Николай чуть не сделался убийцей. Шатался по округе лоботрясадира, врун и двоечник, поднимал руку на девочек и малышей. Амосов позаимствовал у матери мышьяк, пропитал им шоколадную конфету и хладнокровно угостил ею жертву. По счастью, оказалось, что срок годности мышьяка давно вышел. Все последующие годы Николай Амосов благодарил высшие силы за то, что «пронесли чашу сия».

Не по совести

Окончив медицинский вуз в Архангельске и не найдя работы в Москве, 27-летний Амосов вернулся в Череповец. Устроился в межрайонную больницу ассистентом знаменитого тогда хирурга Бориса Стасова. Освоился, читал лекции студентам-медикам, оперировал.

«За год работы в Череповце из моих больных не умер ни один. Не потому что я был очень умный, просто Борис Дмитриевич всех тяжелых брал на себя». Но не работой единой. Молодой, симпатичный и начитанный врач очень нравился женщинам.

В Череповце из моих
больных не умер ни один

Обзавелся доджуанским списком, но настоящей любви как-то не случилось. «Интерес к девушкам был, объекты — тоже из числа врачей больницы. Молодые, незамужние или разведенные. Ухаживал чуть-чуть, к настойчивости был неспособен, а они не проявляли податливости. Катенька работала в операционной — красная, только высоковатая... После экстренных почных операций провожал ее через весь город. Правилась, но очень уж была... как бы сказать, «чистенькая». Только для влюбленности. А я уже навлюблялся на всю жизнь... Помню, что в Череповце у меня остались только телесные потребности, интеллектуальные интересы и требования по части морали».

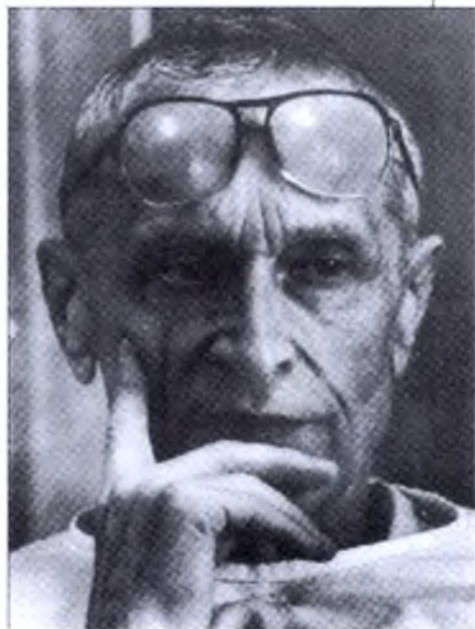
Будь Катенька поговорчивее и поактивнее, пустил бы молодой врач корни в Череповце. Однако в этом случае о гении кардиохирургии вряд ли узнал бы мир.

В 1940 году Николаю Амосову пришла повестка в армию. В «телесные потребности» перспективного и увлеченного своим делом врача служба никак не входила, а «требования по части морали» умный человек всегда может подвинуть. Сам неоднократно заседавший в призывной комиссии, Амосов знал несколько способов спасения от плаца и маршировки. Решил симулировать превышение сахара в моче. Надо было лишь всыпать глюкозу в жидкий анализ, что он с легкостью и проделал. «Радости не испытывал, было стыдно. Какая она ни есть Родина, но обманул ее», — вспоминал Николай Михайлович. Военкомат вручил изобретательному врачу отсрочку, но ненадолго — мобилизовала Великая Отечественная. Молодой хирург прошел всю войну с честью, спас жизни сотням русских солдат.

«Сердечная наука»

В кардиохирургию Николай Амосов пришел в начале 50-х. Пришел в то время, когда советская «сердечная наука» недалеко ушла от технологий древнего Египта: клапаны «пламенного мотора» прочищали пальцем, искусственный массаж производили разрядом из розетки, а клеймо «сердечник» фактически становилось пожизненным приговором. Когда полвека спустя, в 2002 году, 89-летний Николай Михайлович уходил из жизни, больного окружала целая коллекция приборов, способных заменить главную человеческую мышцу — большинство из них было спроектировано самим Амосовым.

Помог слесарный опыт студента лесомеханического техникума. Спер-

ва по собственным чертежам сделал инструменты. Во время поездки в 1957-м в Мексику по обмену опытом подсмотрел у тамошних эскулапов конструкцию прибора искусственного кровообращения. Вернувшись в Киев, где осел после войны, мастерил машину в одиночку. Основным узлом, прокачивающим кровь, стал автомобильный насос. И все так, из подручных материалов и похожих устройств. Первые двое больных, к которым применяли эти сооружения, умерли от воздушной эмболии, но уже третьему, а потом и многим тысячам прибор спас жизнь.

Пять лет спустя, побывав в США, Амосов «заболел клапанами». Американские хирурги делали уникальные операции: заменяли пораженные створки клапанов сердца кусочками пейлоновой ткани — единственной, не вызывающей воспалительной реакции. В нашей стране травмированный клапан чаще всего означал смерть больного. Вместе с Амосовым американский опыт прилетел в Союз. На первые сердечные заплатки Амосов порезал две нейлоновые рубашки, купленные в Штатах.

Помните меня?

В 1993 году на 80-летие знаменитого хирурга и ученого в Киев отправилась делегация из Череповца. «Мы беседовали в его клинике, — вспоминает врач-уролог Эльза Скворцова. — Выглядел он великолепно. До разговора с нами Николай Михайлович бегал в парке. Говорил, что лучший способ сохранить молодость — это занятия спортом. А еще говорил, что ранняя смертность ветеранов металлургического комбината объясняется не столько вредностью производства, сколько резким прекращением физической деятельности. Для работавшего всю жизнь человека диван и гамак — смерть».

«Помнят меня в Череповце?» — прямо спросил у делегатов Николай Амосов. Сам поражал отличной памятью. Понигересовался переменаами в городе. Через несколько лет в мемуарах почти 90-летний Николай Михайлович вспоминает Красноармейскую площадь, где когда-то жил: слышал, мол, что церковь снесли, теперь там голо, небось. Проверить, посмотреть так и не решился. А на загаженный вопрос, заданный череповчанами — смог бы сейчас вернуться на родину? — ответил отрицательно. Объяснил: «В Киеве живет столько спасенных мною людей, а еще здесь немало могил тех, кого я не смог спасти. Ни тех ни других бросить не могу».

Сергей Виноградов ■

